

Элина Кинг

НЕВОСПРИИМЧИВЫЕ

ПРИВИВКА СОЗНАНИЕМ

Элина Кинг

**Невосприимчивые.
Прививка сознанием**

«Издательские решения»

Кинг Э.

Невосприимчивые. Прививка сознанием / Э. Кинг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689668-0

Тихо упавший метеорит оказался семенем кошмара. Сначала — лишь странная «простуда» и головная боль. Потом — мутная синева в глазах соседа, коллеги, родных. Они меняются. Их сознание захватывает чужой, холодный разум, стремящийся к порядку и единству, которого не знала Земля. Хаос и агрессия поглощают города. Но есть те, кого чума не берет. «Чистые». Среди них — вирусолог Лео, чудом сбежавший из захваченного института. С горсткой таких же неуязвимых ему предстоит пройти через руины цивилизации.

ISBN 978-5-00-689668-0

© Кинг Э.
© Издательские решения

Содержание

Первый кашель	6
Перелом	9
Цепная реакция	13
Падение щитов	17
Собирая стаю	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Невосприимчивые Прививка сознанием

Элина Кинг

© Элина Кинг, 2026

ISBN 978-5-0068-9668-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый кашель

Доктор Леонид Волков, которого все звали просто Лео, ненавидел сентябрь на Аляске. Он ненавидел этот переходный период, когда уродливая грязь оттаявшей за лето вечной мерзлоты смешивалась с первым предательским снежком, превращая дороги в вязкую, холодную кашу. Он ненавидел полярную ночь, которая уже начинала красть дневной свет, нависая над городом Фэрбанкс темной, медленной угрозой. Но больше всего он ненавидел сезонный грипп, который в этом году вел себя как-то... неправильно.

Его кабинет-лаборатория в Институте биологических исследований Арктики пахла, как и положено, – стерильным холодом, химическими реагентами и горьким кофе. Лео откинулся на спинку стула, стирая пальцами напряжение с переносицы. На мониторе перед ним плясали кривые геномных последовательностей. Образец под номером 447. Присланный из местной клиники с пометкой «атипичное течение ОРВИ с неврологическими симптомами».

«ОРВИ, – с презрением подумал Лео. – Универсальная мусорная корзина для диагнозов».

Он увеличил участок РНК. Ничего похожего на известные штаммы гриппа, аденовирусов или даже более экзотических арбовирусов. Было что-то, что имитировало структуру, но на микроуровне выглядело... чуждым. Кристаллическим. Он уже пятый час бился над этим, и единственным результатом была растущая гора смятых бумажных стаканчиков из-под кофе.

Внезапный стук в дверь заставил его вздрогнуть.

– Войдите, – пробурчал он, не отрываясь от экрана.

Дверь открылась, пропуская высокую, сутуловатую фигуру Майкла Шоу. Майкл был геохимиком из соседнего корпуса, тем самым, кто несколько месяцев назад получил для изучения те самые осколки метеорита, упавшего к северу от города. Они с Лео иногда вместе пили пиво в баре «Медведь», жалуясь на финансирование и начальство. Но сейчас Майкл выглядел нездорово. Его обычно живое лицо было серым и осунувшимся, глаза красными, будто он не спал несколько ночей.

– Лео. Привет, – голос Майкла звучал хрипло, прерывисто. Он постоянно потирал левый висок.

– Майк. Ты похож на то, что я только что изучал, – сказал Лео, наконец отворачиваясь от монитора. – Грипп?

– Что-то вроде. Голова раскалывается. Шум в ушах адский, будто сверлят. – Майкл сделал шаг внутрь, но не стал присаживаться. Он нервно переминался с ноги на ногу, его взгляд скользил по лаборатории, не фокусируясь ни на чем. – Слушай, ты не слышал о таких симптомах в своих образцах? Головная боль, шум... потом провалы. Будто выключаешься на секунду.

Лео насторожился. Описание слишком точно совпадало с историей болезни его «пациента» 447.

– Слышал. У меня тут один такой. А почему спрашиваешь? Ты же геохимик, не вирусолог.

Майкл заколебался. Он снова потер висок, и его пальцы дрожали.

– У нас в лаборатории. Двое практикантов. И у Джен из администрации. Та же хрень. Все они... все они в последнее время работали с моими образцами. С осколками.

Лео медленно поднялся.

– Ты думаешь, это как-то связано? С тем камнем?

– Не знаю! – резко выкрикнул Майкл, и Лео от неожиданности отшатнулся. В глазах Майкла мелькнула паника, быстро сменившаяся виноватой усталостью. – Прости. Голова... Я не знаю. Это, наверное, совпадение. Просто стресс. Проект горит, отчеты...

– Тебе нужно к врачу, Майк.

– Был. Сказали, мигрень на фоне переутомления. Выписали таблетки. – Он махнул рукой. – Ладно, забудь. Не спал ночь, бредишь. Извини, что побеспокоил.

Он развернулся и вышел, оставив дверь открытой. Лео смотрел ему вслед, и холодное, скользкое предчувствие начало шевелиться у него в груди. Он подошел к двери, чтобы закрыть ее, и увидел, как Майкл, шатаясь, идет по длинному белому коридору. На полпути он остановился, схватился рукой за стену, склонив голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не было.

Вечером Лео не выдержал. Он зашел в геохимическую лабораторию под предлогом вернуть старую научную статью. Лаборатория была пуста, если не считать одного практиканта, сонно что-то переписывавшего в журнал. Воздух был наполнен едва уловимым запахом озона и чего-то еще... сладковатого, металлического. Лео знал, что основные осколки хранились в изолированном сейфе, но один небольшой образец, подготовленный для спектрального анализа, лежал под прозрачным колпаком на столе Майкла.

Камень был размером с кулак, угольно-черный, но с внутренними прожилками, которые слабо пульсировали тусклым синеватым светом, словно эхо далекой молнии. Это было красиво и бесконечно чуждо. Лео потянулся, чтобы рассмотреть ближе, но его рука повисла в воздухе. Он вспомнил серое лицо Майкла и его дрожащие пальцы.

Внезапно его смартфон коротко вибрировал. Экстренное оповещение. «Департамент здравоохранения штата Аляска сообщает о росте числа случаев острого респираторного заболевания с неврологической симптоматикой в районе Фэрбанк-Норт-Стар. Рекомендовано избегать мест скопления людей, при первых симптомах обращаться к врачу...»

Он вышел из лаборатории, чувствуя, как холодное предчувствие сжимает его внутренности в тугий узел. По дороге домой, пробираясь через уже по-настоящему заснеженные улицы, он видел больше обычного машин скорой помощи. Их сирены выли в темноте, словно раненые звери.

Дома, в своей маленькой, заваленной книгами и приборами квартире, Лео не мог уснуть. Он снова и снова вызывал на экран геномную последовательность из образца 447. Он сравнивал ее с базами данных по всему миру. Ничего. Абсолютный ноль. Это была не просто мутация. Это было нечто, не имеющее земного аналога.

Под утро он нашел его. Слабый, едва различимый сигнал в ультрафиолетовом спектре. Структура, которая не должна была быть в биологическом материале. Микроскопические кремниевые образования, вплетенные в белковые цепи, словно схема, словно... нейросеть. Они собирались в кластеры вокруг областей мозга, ответственных за агрессию и базовые инстинкты.

Лео замер, глядя на открытие, которое не могло быть правдой. Это не был патоген в обычном смысле. Это был инженерный проект. Паразит, переписывающий хозяина.

Его мысли прервал звонок на стационарный телефон. Такой ранний звонок никогда не сулил ничего хорошего. Он поднял трубку.

– Доктор Волков? – голос был официальным, напряженным. – Говорит офицер Рэймондс из службы безопасности Института. Вам нужно срочно приехать. В главном корпусе произошел инцидент. С доктором Шоу.

– Что случилось? – спросил Лео, и его собственный голос прозвучал чужим.

– Он... напал на охрану. С крайней жестокостью. Его с трудом обезвредили. Он повторял одно и то же. – Офицер сделал паузу. – Он повторял: «Они в камне. Они проснулись. Надо слушать».

Лео медленно опустил трубку. За окном, в кромешной тьме арктического утра, завывала еще одна сирена. Но теперь этот звук казался ему уже не сигналом тревоги, а похоронным маршем. Маршем по тому миру, который он знал.

Он посмотрел на свои руки, которые только что держали телефон. Они были холодными и влажными. Он подошел к окну. Город лежал внизу, тихий и темный, укутанный снегом.

Но в этой тишине Лео слышал уже нечто иное. Тихий, настойчивый гул, исходящий не с улиц, а как будто из самой земли. Из камня.

Он понял, что грипп был ошибкой. Это не было болезнью.

Это было первым кашлем перед началом чумы. Чумы разума.

И его друг Майкл стал ее нулевым пациентом.

Перелом

Дорога до Института, обычно занимавшая двадцать минут, растянулась в вечность. Лео вел свою старую Toyota через пустынные, заснеженные улицы, и каждый поворот, каждый светофор казались издевательством над самой идеей срочности. По радио, которое он включил для фона, диктор с подчеркнуто спокойным голосом перечислял рекомендации по профилактике «нового штамма сезонного гриппа», советовал запастись терпением и парацетамолом. Лео с силой выключил его. Тишина в салоне стала еще громче, заполненная стуком его собственного сердца и навязчивым гулом в ушах, который, как он теперь понимал, мог быть не просто игрой воображения.

Главный корпус Института, обычно сияющий холодным стеклом и сталью, был окутан утренним полумраком и тревожным миганием синих огней двух полицейских машин. Лео припарковался в отдалении и, натянув капюшон, пошел к входу. Холодный воздух обжигал легкие, но внутри него горел ледяной комок ясности.

У главных дверей его встретил молодой, бледный охранник, которого Лео знал в лицо – Пит, обычно улыбочивый парень, любитель кроссвордов. Сейчас он курил дрожащей рукой, не обращая внимания на запрещающие знаки.

– Доктор Волков, – кивнул он, и его голос сорвался. – Вас ждут. Там... там ад.

– Что случилось, Пит? Что с Майклом?

Пит сделал глубокую затяжку, выдохнул струю пара в морозный воздух.

– Он был как зомби, док. В три ночи пришел. Сказал, что забыл папку. Пропуск был, все нормально. Потом Билл, с ночной смены, услышал крики из геохимической лаборатории. Когда зашел... – Пит замолчал, глядя в темноту. – Шоу разгромил все. Мониторы, приборы. Руками. Он... он вырвал провода из спектрометра и пытался ими, понимаете, как удавкой... Билл попытался его остановить. Доктор Шоу ударил его огнетушителем. По голове. Билл в реанимации.

Лео почувствовал, как земля уходит из-под ног. Билл, седовласый ветеран, двадцать лет проработавший здесь, спокойный и добродушный.

– А Майкл?

– Его скрутили. Сначала двое моих ребят, потом подъехала полиция. Понадобилось четыре человека, чтобы его обездвигнуть. Он... он рычал. Не кричал, а именно рычал. И смотрел... – Пит содрогнулся. – Словно сквозь тебя. Как будто ты стеклянный. И все повторял одно: «Слушайте тишину. Она говорит».

Лео прошел внутрь. Вестибюль, обычно полный утренней суеты, был пуст. Только у дальней стены кучкой стояли администраторы, перешептываясь с испуганными лицами. В воздухе витали едва уловимые запахи – озон, химикаты и что-то еще, сладковато-приторное, как испорченный мед. Запах паники.

Его проводили в кабинет начальника службы безопасности, Рэймондса. Тот был похож на свою должность – крупный, подтянутый, с короткой сединой на висках и умными, уставшими глазами. На столе перед ним лежал диктофон.

– Доктор Волков, спасибо, что приехали, – голос Рэймондса был ровным, профессиональным, но в уголках его глаз таилось напряжение. – Вы были другом Шоу?

– Коллегой. Другом, – поправил Лео, садясь. – Что с ним?

– Физически – поверхностные повреждения, седация. Психически... Пока неясно. Врачи склоняются к острому психотическому эпизоду на фоне переутомления и, возможно, отравления химикатами. Но я видел много психотиков. Они не так... целенаправленны. – Рэймондс откинулся на спинку кресла. – Он целенаправленно уничтожил оборудование, связанное

с метеоритными образцами. И он был невероятно силен. Пришлось колоть транквилизатор, лошадиную дозу.

– Я должен его увидеть, – сказал Лео.

– Позже. Сначала расскажите, почему вы так заинтересовались этим случаем? Офицер Пит сказал, вы звонили доктору Шоу вчера, спрашивали о его здоровье.

Лео колебался всего секунду. Его внутренний ученый кричал о необходимости собрать больше данных, проверить гипотезу. Но рациональная часть, та, что смотрела на бледное лицо Рэймондса и слышала за стеной приглушенные голоса полиции, понимала – время для академических дискуссий прошло.

– Потому что это не психоз и не отравление, – тихо, но четко произнес Лео. – И это не единичный случай. Это инфекция. Или заражение. Другого рода.

Он изложил все: странные образцы из клиники, аномальную геномную последовательность, микроскопические кремниевые структуры, симптомы Майкла, совпадающие с десятками других по городу. Он говорил о вспышках в других городах, куда ушли осколки, о странной слаженности в поведении «заболевших», которую начали отмечать в новостях, но списывали на панику.

Рэймондс слушал, не перебивая. Его лицо стало непроницаемой маской.

– Вы утверждаете, доктор Волков, что кусок камня из космоса каким-то образом... перепрограммирует людей? – в его голосе не было насмешки, только тяжелое, гнетущее недоверие.

– Я утверждаю, что наблюдаю факты, – жестко ответил Лео. – Биологический материал меняется под воздействием небιологического агента, источником которого является метеорит. Агент влияет на нервную систему, вызывая агрессию, изменения сознания и, судя по всему, подавление высших мозговых функций. Это не психоз. Это внешнее управление.

– Управление кем? – спросил Рэймондс, и в его глазах мелькнула искра того же животного страха, что был у Пита.

– Пока не знаю. Возможно, это просто автономный процесс, как у некоторых паразитов, меняющих поведение хозяина. Но масштаб... – Лео провел рукой по лицу. – Майкл сказал: «Они в камне. Они проснулись». Это ключ. Нужно изолировать все образцы. Нужно ввести карантин для всех, кто с ними контактировал.

Рэймондс тяжело вздохнул.

– Доктор, даже если я поверю вам на сто процентов, мои полномочия на это не распространяются. Нужно решение санитарных служб, властей штата. А они, – он кивнул в сторону окна, за которым мигали синие огни, – заняты «вспышкой гриппа». Я могу усилить охрану лабораторий, доложить начальству. И все.

Это была стена. Стена бюрократии, недоверия и страха перед паникой. Лео понял это с кристальной ясностью.

– Тогда позвольте мне увидеть Майкла. Как вирусологу. Мне нужны его биологические образцы. Свежие.

Рэймондс подумал с минуту, затем кивнул.

– Хорошо. Но в присутствии офицера. И врача. Он в изоляторе медпункта.

Медпункт Института был небольшой стерильной станцией на первом этаже. Сейчас он напоминал передовую. У двери в процедурную, превращенную в импровизированную камеру, дежурили двое охранников и мужчина в белом халате – доктор Эрнандес, штатный терапевт. Его лицо было искажено беспомощной яростью.

– Он в сознании, – тихо сказал Эрнандес Лео. – Седация почти выветрилась. Но он... не говорит. Только смотрит. Будьте осторожны.

Дверь открылась. Комната была ярко освещена, что делало ее еще более безжизненной. На койке у стены, пристегнутый мягкими, но прочными ремнями к запястьям и лодыжкам, лежал Майкл Шоу.

Лео едва узнал его. Лицо друга было маской без мыслей и эмоций. Но не пустой. Наполненной чем-то иным. Его глаза были открыты, зрачки нормального размера, но на них лежала странная, мутная пленка, слабый синеватый отблеск, будто он смотрит сквозь тонкий слой льда. Он не моргал.

– Майк? – тихо позвал Лео, делая шаг вперед.

Охранник у двери напрягся.

Глаза Майкла медленно, с механической точностью, повернулись к Лео. Взгляд был нечеловечески сосредоточенным, оценивающим, как взгляд энтомолога на редком насекомом. Ни тени узнавания.

– Майкл, это Лео. Ты меня слышишь?

Губы Майкла дрогнули. Из его горла вырвался звук – не речь, а скрежет, шипение выходящего воздуха, который пытался оформиться в слова.

– Ш-ш-шум... – просипел он. Голос был плоским, лишенным интонаций, будто синтезированным. – Шум прекратился. Теперь... тишина. И в тишине... приказ.

Лео почувствовал, как по спине побежали мурашки. Это был не голос Майкла. Это было что-то, что пользовалось его голосовыми связками.

– Какой приказ, Майкл? Кто отдает приказ?

Глаза с синеватой пленкой сузились. В них мелькнула искра чего-то холодного, чужеродного, почти что презрения.

– Строить. Очищать. Соединять, – слова шли отрывисто, как команды. – Вы... шум. Вы – помеха. Вы будете... переписаны. Или удалены.

Лео отступил на шаг. Его научный ум лихорадочно фиксировал данные: когерентная, но чужая речь, подавление личности, параноидально-мессианский бред с элементами технологичной терминологии. Но его человеческая часть смотрела на глаза друга и видела в них бездну. Ту самую, из которой нет возврата.

Внезапно тело Майкла напряглось. Мышцы на руках вздулись под ремнями. Он не дергался в истерике, а совершал медленное, невероятно мощное движение, пытаясь разорвать крепления. Койка затрещала.

– Соединиться с источником! – его голос сорвался на крик, но крик был лишен эмоциональной окраски, это был просто усиленный сигнал. – Освободить проводник!

Охранники бросились вперед, врач потянулся за шприцем с седативным. Но Лео застыл на месте, потому что в этот момент встретился взглядом с Майклом. И в этой синеватой мути, на долю секунды, промелькнула вспышка – не разума, а чистого, животного ужаса. Искаженный, задавленный, но человеческий страх. Будто настоящий Майкл, запертый где-то глубоко внутри, на миг прорвался сквозь пленку и увидел, что происходит с его телом.

Потом шприц вошел в мышцу, тело обмякло, глаза закатились. Тишина вернулась в комнату, нарушаемая только тяжелым дыханием охранников.

Лео стоял, не в силах пошевелиться. Он пришел сюда за доказательствами и получил их сполна. Получил, глядя в глаза своему другу, в которых уже не осталось ничего человеческого. Только программа. Только приказ.

Доктор Эрнандес вытирал лоб.

– Боже всемогущий... Что это, Леонид? Что с ним?

Лео медленно обернулся. Он смотрел на испуганное лицо врача, на напряженные лица охранников, на непроницаемую маску Рэймондса в дверях. Он понял, что его слова сейчас ничего не изменят. Они увидят в этом лишь трагический бред сумасшедшего ученого.

– Я не знаю, – солгал Лео, и его голос прозвучал удивительно ровно. – Но мне нужны образцы. Кровь, слюна, спинномозговая жидкость, если возможно. И доступ к его личным вещам. К тем, что были с ним, когда это... началось.

Рэймондс кивнул, слишком потрясенный, чтобы спорить.

– Хорошо. Но быстро. Полиция скоро заберет его в изолятор окружной больницы.

Лео вышел из медпункта, держа в руках биоконтейнер с драгоценными, ужасными пробами. В кармане халата лежал конфискованный у Майкла смартфон и маленький, оплавленный по краям осколок черного камня, который тот, по словам охраны, сжимал в кулаке, когда его скручивали. Камень был теплым.

В вестибюле он остановился. За стеклянными стенами здания уже светало. На парковке появились первые сотрудники, не знавшие о ночном кошмаре. Жизнь, глупая и беспечная, пыталась идти своим чередом.

Лео посмотрел на теплый осколок в ладони. Он не пульсировал светом. Он просто был. И в его глубине, казалось, таилась бесконечная, равнодушная тишина. Та самая, что говорила Майклу свои приказы.

Он сунул камень в карман, взял биоконтейнер крепче и быстрым шагом направился к своей лаборатории. У него не было ни плана, ни помощи, ни веры со стороны властей. Но у него были данные. У него были образцы. И у него теперь была абсолютная, холодная уверенность.

Это была война. И первая битва только что была проиграна в стенах его собственного института. Пора было готовиться ко второй. И для этого нужно было понять врага. Пока враг не понял их всех.

Цепная реакция

Три дня. Семьдесят два часа, которые растворились в лихорадочном цикле: микроскоп, центрифуга, секвенатор, крепкий кофе, короткий сброс на потертом диване в углу лаборатории, и снова микроскоп. Лео существовал в своем собственном временном континууме, отгороженном от внешнего мира звуконепроходимыми стенами и гулом оборудования.

Образцы Майкла Шоу рассказали ему историю, от которой стыла кровь. Кремниевые структуры были не просто статичными включениями. Они были активны. Наноразмерные, самоорганизующиеся, они напоминали фрактальные антенны или... нейронные сети. Они вплетались в глиальные клетки мозга, создавая параллельную, неорганическую проводящую систему. И эта система работала. Лео зафиксировал слабые, но четкие электромагнитные импульсы, исходившие из образцов тканей, даже после смерти клеток. Импульсы, которые повторяли сложные паттерны, похожие на закодированные сигналы.

Источником сигнала был осколок. Тот самый, теплый кусок камня, лежавший теперь в свинцовом контейнере в самом защищенном боксе лаборатории. Он излучал постоянное фоновое поле крайне низкой частоты, неощутимое для человека, но служившее, как понял Лео, камертоном. Опорной частотой. И все зараженные структуры в телах «пациентов» были настроены на эту частоту. Они были приемниками. И, возможно, передатчиками.

Лео назвал явление «кремниевым симбиозом», но в глубине души знал, что это эвфемизм. Это была оккупация. Паразитизм высшего порядка.

Внешний мир настойчиво стучался в его убежище. Экраны его компьютеров, помимо данных секвенирования, были завешаны окнами новостных лент, которые становились все тревожнее.

«Массовые беспорядки в Портленде: участники акции протеста против карантина впали в неистовство...»

«Необъяснимые акты вандализма в исследовательском центре в Денвере: сотрудники разрушили собственное оборудование...»

«Власти Калгари вводят комендантский час после серии скоординированных нападений на трансформаторные подстанции...»

Координация. Вот что било в глаза. Не хаотичные вспышки безумия, а целевые, словно спланированные удары по инфраструктуре и центрам связи. И везде в репортажах мелькали одни и те же детали: до инцидента люди жаловались на мигрени и шум в ушах. А после – их глаза. Съемки были смазанными, сделанными на телефоны, но Лео видел. Ту самую мутную синеву, что была в глазах Майкла.

Он пытался звонить. В Центр по контролю заболеваний. В Департамент национальной безопасности. В Пентагон, черт возьми. Он посылал отчеты, данные, графики. Ответы были вежливыми, шаблонными и абсолютно бесполезными. «Благодарим за предоставленную информацию, она будет изучена соответствующими службами». «Ситуация находится под контролем местных властей». Один чиновник из управления здравоохранения штата и вовсе посоветовал ему «взять отпуск, доктор Волков, вы явно переработали».

Бюрократическая машина, созданная для реагирования на известные угрозы, оказалась слепа и глуха к угрозе немислимой. Она пыталась подогнать апокалипсис под графы «эпидемия» и «массовые беспорядки».

На четвертый день стук в дверь лаборатории был не вежливым, а яростным. Лео, с красными от недосыпа глазами, открыл. На пороге стоял Рэймондс, но это был уже не собранный профессионал. Его форма была мятой, тень щетины покрывала щеки, а в глазах стояло то же самое животное напряжение, что Лео видел у всех, кто соприкоснулся с этой тайной.

– Волков. Вам нужно увидеть кое-что. Сейчас.

Он не стал ждать ответа, развернулся и зашагал по коридору. Лео, накинув халат, последовал за ним. Они прошли в ситуационный центр безопасности – небольшую комнату с банком мониторов, где обычно следили за камерами наблюдения. Сейчас на всех экранах, кроме одного, был черный квадрат с надписью «NO SIGNAL».

На работающем экране показывали запись с камеры у главного веза в институтский морг. Ночная съемка, черно-белое изображение. На площадке остановился серый микроавтобус без опознавательных знаков. Из него вышли шесть человек в защитных костюмах химзащиты, но странного, нестандартного покроя. Их движения были синхронными, почти механическими. Они предъявили охраннику какие-то документы. Тот кивнул и открыл ворота.

– Кто это? – спросил Лео. – Санитары? МЧС?

– Вот в том-то и дело, что нет, – скрипуче прошептал Рэймондс. – Я проверил. Никаких запросов на эвакуацию биоматериала или тел не поступало. Ни от наших, ни от городских служб. Эти люди появились из ниоткуда.

На записи группа прошла внутрь. Через двадцать семь минут они вышли, везя на носилках, укрытых черным брезентом, три тела. Лео узнал силуэт – один из них был Майкл Шоу.

– Они забрали его... и еще двух. Практикантов из лаборатории Майкла. Тех, кто сначала заболел, – сказал Рэймондс. – Охранник на выезде, Томми, парень сообразительный, попытался перезвонить для подтверждения. И вот что произошло.

Он переключил камеру на запись с поста у шлагбаума. Томми, молодой парень, говорил по телефону, его лицо выражало нарастающую тревогу. Он вышел из будки, жестом останавливая микроавтобус, который уже начал выезжать. Водитель остановился. Из боковой двери вышел один из «санитаров». Он подошел к Томми. Разговор был недолгим. Томми жестикулировал, показывая на телефон, на документы в своей руке. Незнакомец слушал, его лицо было скрыто маской и очками. Затем он медленно, почти вежливо, кивнул. И быстрым, точным движением, больше похожим на удар боевого искусства, чем на агрессию, нанес Томми удар в солнечное сплетение, а когда тот согнулся, – еще один, рукой-ребром, по шее. Томми рухнул. «Санитар» поднял его документы и телефон, сел обратно в микроавтобус, и тот спокойно выехал за ворота.

Лео застыл, впиваясь в экран. Холодная, безэмоциональная эффективность. Никакой ярости, никакой паники. Просто устранение помехи. Как в протоколе.

– Томми жив, – сказал Рэймондс, прерывая его мысли. – Сотрясение, перелом ключицы. Он ничего не помнит после того, как вышел из будки. А эти... они испарились. Камеры на выезде с города тоже не работали в ту ночь. Случайный сбой.

– Это не сбой, – тихо сказал Лео. – Они знают, что делают. Они систематически зачищают следы. Забирают зараженных. Возможно, для изучения. Возможно, для чего-то еще.

Он обернулся к Рэймондсу.

– Вы показали это полиции? Федералам?

Рэймондс горько усмехнулся.

– Показал. Мне сказали, что, возможно, это была «нескоординированная операция федеральных служб по предотвращению утечки биологической угрозы», и что мне «не стоит поднимать панику». Они забрали все исходники записей. Эта копия... она неофициальная.

В его голосе прозвучала последняя капля отчаяния человека, который всю жизнь верил в систему и вдруг увидел, что система либо слепа, либо уже заражена.

Лео вернулся в свою лабораторию. Он запер дверь на ключ, впервые за много лет. Мир за стенами института больше не был просто невежественным или бюрократичным. Он стал активной, враждебной силой. Существовала организованная группа – кто бы они ни были – которая действовала с пониманием происходящего и с жестокой решимостью контролировать ситуацию.

Он сел за компьютер, но не к своим данным. Он открыл браузер и полез в глубины интернета, туда, где обитали параноики, конспирологи и выживальщики. На форумах, которые он раньше презирал, уже вовсю полыхали обсуждения «странной болезни», «зомби-гриппа» и «вспышек массового психоза». Среди тонн мусора и фантазий он начал вылавливать крупицы реальности.

Посты от медсестры из Сиэтла, описывавшей пациентов с «синими, как у слепой рыбы, глазами».

Сообщение от дальнотбойщика, видевшего, как группа людей в пригороде Чикаго в полной тишине разбирала на части трансформаторную будку.

Фотография с места происшествия в Торонто: на асфальте мелом были нарисованы не символы, а сложные, геометрические узоры, напоминавшие схемы микропроцессоров.

И самое главное – он нашел нить. Небольшой, заброшенный чат-сервер, где несколько пользователей под никами обменивались сухими, лаконичными сообщениями.

User «Медосмотр»: Контакт с носителем 12 часов назад. Симптомы: тиннитус 8/10, фотофобия. Сопrotивляемость сохраняется. Головная боль купируется ибупрофеном. Генетический анализ (самодельный секвенатор) показывает полиморфизм в гене AS3MT и повышенную активность шишковидной железы.

User «Сварщик»: Подтверждаю. Был в эпицентре в Денвере. Все вокруг сходили с ума. У меня только мигрень была сутки. Анализы те же. Вывод: невосприимчивость связана с метаболизмом мышьяка и функцией эпифиза. Они не могут «зацепиться».

User «Эхо»: Создаем карту. Отмечаем точки падения фрагментов и вспышки. Есть корреляция. Распространение волновое, от эпицентров. Скорость ~50 км/сутки. Предсказываем следующие зоны.

Лео замер, смотря на экран. Его пальцы зависли над клавиатурой. Это были не паникеры. Это были такие же, как он. Ученые, инженеры, врачи, столкнувшиеся с необъяснимым и пытающиеся понять. И они пришли к тем же выводам, что и он: генетическая невосприимчивость. Они называли себя «Чистыми».

Сердце Лео бешено заколотилось. Он был не один. В этом безумном, рушащемся мире были другие островки здравомыслия.

Он создал аккаунт. Псевдоним: «Прометей». Набрал сообщение, тщательно подбирая слова, избегая эмоций, оперируя только фактами и терминами. Описал свою локацию (Аляска, Фэрбанк), свои находки (кремниевые структуры, опорный сигнал), подтвердил гипотезу о генетической устойчивости и эпифизе. Приложил зашифрованные файлы с ключевыми данными.

Он нажал «Отправить». Сообщение ушло в цифровую бездну.

Ответ пришел не сразу. Прошло почти два часа, в течение которых Лео бесцельно ходил по лаборатории, прислушиваясь к далекому вою сирен, участвовавшему за последние дни.

Наконец, на экране всплыло уведомление.

User «Эхо»: Прометей. Данные верифицированы. Ты настоящий. Добро пожаловать в клуб неуязвимых. Твоя локация становится горячей. Скорость распространения волны заражения выше прогноза. Через 18—36 часов она накроет Фэрбанк полностью. Ты должен уходить. Ищи убежище. Изолируйся от толпы. Сохрани образцы и себя. Мы свяжемся снова, когда сможем. Выжить – первичная задача. Объяснить – вторичная. Удачи.

Лео откинулся на спинку кресла. Предупреждение было четким и несущим смертельную серьезность. Его взгляд упал на окно. Город за стеклом жил своей жизнью: машины, редкие пешеходы, снег. Но теперь он видел это иначе. Он видел тикающие часы над каждым человеком. Он видел невидимую волну, катящуюся с юга, несущую с собой тишину, которая говорила приказы.

Он встал. Действовать. Нужно было действовать сейчас.

Первым делом – образцы. Все, что он собрал. Кровь Майкла, свои собственные анализы (он проверил себя – полиморфизм гена AS3MT присутствовал, он был «Чистым»), ткани, срезы. И главное – осколок. Источник. Все это нужно было упаковать в мобильную лабораторию, во что-то портативное и защищенное.

Второе – оружие. Не для нападения. Для защиты. Институтская охрана, возможно, уже не сможет помочь. Рэймондс выглядел сломленным.

Третье – убежище. Куда? Город скоро станет ловушкой. Нужно уехать. На север? В тундру? Но там холод, отсутствие ресурсов. Нужно место с запасом пищи, воды, возможностью генерации энергии и, желательно, защитой.

Мысль пришла сама собой, всплыв из детских воспоминаний и разговоров с краеведами. Старый бункер системы NORAD времен Холодной войны. Зброшенный, полузабытый, в ста километрах к северо-востоку, в отрогах хребта. Его использовали как туристический объект для сталкеров, но основные конструкции, по слухам, были целы. Там были дизель-генераторы, артезианская скважина, склады консервов на случай ядерной зимы.

Это был безумный план. Но других не было.

Лео начал судорожно собирать вещи. Его движения были резкими, но точными. Ученый внутри него отключился. Включился инстинкт выживания. Он сгребал оборудование в прочные кейсы, упаковывал контейнеры с образцами в термосы с жидким азотом. Осколок в свинцовом контейнере он завернул в несколько слоев свинцовой фольги и сунул в внутренний карман походной куртки. Он чувствовал его тепло сквозь слои ткани. Оно было не физическим, а каким-то иным, проникающим прямо в кости.

Вдруг свет в лаборатории мигнул и погас. Через секунду включился аварийный, тускло-желтый. Гул оборудования стих, повисла звенящая тишина, нарушаемая только завыванием ветра за окном и... криками. Далекими, но многочисленными. Не криками ужаса, а какими-то странными, скандирующими выкриками, сливавшимися в единый гул.

Лео подбежал к окну, отодвинул жалюзи. Внизу, на улице, собиралась толпа. Десятки, maybe сотни людей. Они шли не хаотично, а плотной колонной, двигаясь в сторону центра города, к зданию администрации и телевышке. Их лица были обращены вперед, движения синхронны. И даже с этой высоты Лео видел, как под уличными фонарями отблескивает синева в их глазах. Они что-то пели. Нет, не пели. Произносили нараспев одно и то же слово, слог, звук, который не принадлежал ни одному языку.

«Кай-рон... Кай-рон... Кай-рон...»

Это был звук опорной частоты. Звук камня.

Волна пришла раньше, чем предсказывали. Фэрбанкс уже тонул.

Лео резко отпустил жалюзи. Времени не было. Совсем. Он схватил два самых тяжелых кейса, рюкзак с провизией и аптечкой, и бросился к двери. Ему нужно было найти Рэймондса. Ему нужно было выбраться из города.

Через стеклянные стены вестибюля он увидел, как главные ворота института с грохотом слетели с петель. В проеме, освещенные аварийными фарами подъехавших машин, стояли фигуры людей. Много людей. Их глаза светились в полумраке, как глаза животных. Они смотрели на здание. И шли внутрь.

Бежать. Сейчас.

Падение щитов

План, если этот хаос можно было так назвать, испарился в тот момент, когда Лео увидел, как первые фигуры с сияющими в темноте глазами переступили порог института. Его мозг, заточенный под анализ и планирование, на секунду завис в ступоре. Затем сработал инстинкт. Он не побежал к главному выходу – там была верная смерть или, что хуже, превращение. Он рванулся вглубь здания, к сервисным лифтам и лестницам, ведущим в подвал и дальше – в старые коммуникационные тоннели.

Два тяжелых кейса с оборудованием оттягивали ему руки, но мысль бросить их даже не возникла. В них была правда. Единственное оружие, которое у него было против этой тьмы. Рюкзак с припасами бил по спине в такт его бегу. Гул толпы, проникавший сквозь стены, сменился теперь более близкими звуками: звон бьющегося стекла, глухие удары, монотонный, нараспев повторяемый звук «Кай-рон», от которого стыла кровь.

Он свернул в коридор, ведущий к блоку систем жизнеобеспечения. Здесь пахло маслом, озоном и пылью. Аварийное освещение отбрасывало пугающие тени. И тут он увидел их. Двое техников в рабочих комбинезонах стояли спиной к нему, лицом к большой электрической панели. Их движения были синхронными и методичными: один держал монтажный лом, другой – кувалду. Раз-два. Раз-два. Они молча, с сосредоточенной тщательностью крушили рубильники и трансформаторы. Искры сыпались на пол, вспыхивая синими змейками.

Лео замер, прижавшись к стене. Это была не слепая ярость. Это была целенаправленная диверсия. Они вырубали энергию, изолируя здание. Отрезая пути к отступлению. В голове пронеслась фраза из чата «Чистых»: «...скоординированные нападения на инфраструктуру». Это происходило здесь и сейчас, в двух десятках метров от него.

Один из техников вдруг остановился. Его голова повернулась, шея скрипнула, будто не смазанный шарнир. Его глаза, залитые синевой, уставились прямо в темноту, где стоял Лео. Не было ни удивления, ни злобы. Только холодное, сканирующее внимание.

– Обнаружен несанкционированный элемент, – проговорил техник тем же плоским, лишенным интонации голосом, что был у Майкла. – Элемент создает помехи. Ликвидация.

Он неторопливо, но неотвратимо двинулся вперед, поднимая окровавленную кувалду. Его напарник продолжил крушить щиток, не обращая внимания.

Лео отшатнулся. Бежать было некуда – позади тупик. Схватка с этим... этим чем-то в теле техника была самоубийством. Его взгляд упал на огнетушитель в стеклянном ящике на стене. Не думая, он разбил кулаком стекло (боль пронзила руку, но адреналин заглушил ее), выхватил тяжелый красный баллон. Техник был уже в трех шагах.

Лео не стал целиться в голову. Он выдернул чеку и, нажав на рычаг, направил белую струю пены не в лицо, а в сияющие глаза. Химическая пена, плотная и едкая, облепила голову техника. Он замер, издав странный, механический звук – не крик, а сбой, будто зависший процессор. Его руки поднялись к лицу, пытаясь счистить пену, движения стали хаотичными. Слепой, он перестал быть целенаправленной угрозой.

Лео проскочил мимо, ударив его плечом, и бросился к узкой металлической двери с надписью «Туннели. Доступ воспрещен». Замок был старый, ржавый. Он рванул ручку. Не поддавалась. Сзади уже доносились шаги – возможно, второй техник.

Отчаяние придало сил. Он изо всех сил ударил по замку баллоном огнетушителя. Раз, другой. Металл взвыл, замок поддался. Лео ввалился в темноту, захлопнув за собой тяжелую дверь. Зашелка сработала. Снаружи слышались глухие удары по металлу, но дверь, сделанная на века, держалась.

Он стоял, прислонившись к холодной бетонной стене, судорожно глотая воздух, пропитанный запахом сырости и плесени. В руке он все еще сжимал огнетушитель. Он смотрел

на свою дрожащую, окровавленную руку. Он только что чуть не убил человека. Или то, во что этот человек превратился. Эта мысль обожгла его сильнее, чем боль.

Но времени на рефлексию не было. Он включил фонарик на телефоне (слава Богу, телефон был в кармане, а связь, судя по иконкам, уже пропала). Луч выхватил из мрака низкий, круглый в сечении туннель, оплетенный паутиной старых кабелей и труб. Здесь, под землей, царил гробовая тишина. Гул с поверхности сюда не доносился. Это был его путь. Путь к спасению.

Согласно плану эвакуации, который он когда-то мельком видел, эта система тоннелей соединяла основные корпуса института с несколькими выходами на периферии кампуса, ближе к жилому массиву. Один из выходов должен был быть в полукилometре от главных ворот, у старого гаража для снегоуборочной техники.

Он зашагал, прислушиваясь к каждому шороху. Вес кейсов стал казаться невыносимым. Каждые пятьдесят метров он останавливался, чтобы перевести дух. Тепло от осколка в его кармане пульсировало слабыми, но назойливыми толчками, будто второе сердцебиение. Оно чуть усиливалось, когда он проходил мимо ответвлений, ведущих, как он понимал, к корпусам, где уже царил хаос. Камень чувствовал своих. Или они чувствовали камень.

Через двадцать минут блужданий он увидел впереди слабый прямоугольник серого света – аварийный выход. Он подошел к тяжелой металлической двери, приваренной к раме, но с небольшим смотровым окном на уровне глаз. Затянутое грязью и паутиной, оно все же позволяло кое-что разглядеть.

То, что он увидел, заставило его забыть о дыхании.

Площадка перед гаражом была залита неестественным, мерцающим синеватым светом. Источником был не фонарь. Это светились они. Человек двадцать, может, больше. Они стояли по кругу, неподвижно, как статуи, лицом к центру. В центре, на коленях, сидел человек в форме охранника. Это был Пит, тот самый, кто курил утром у входа. Его лицо было искажено мукой, он тряс головой, что-то беззвучно шептал. А вокруг него, в полной, звенящей тишине, стояли его бывшие коллеги, соседи, просто люди. Их глаза пылали холодным синим огнем.

Один из них, женщина в разорванном лабораторном халате, шагнула вперед. Она подняла руку. В ней был не нож, не пистолет. Обычный, острый как бритва, осколок стекла от разбитого фасада. Она медленно, почти ритуально, протянула его Питу.

И Пит... Пит взял его. Его рука дрожала, по лицу текли слезы, но он взял. И поднес к своему виску. В его глазах боролись два огня: свой, человеческий, полный ужаса – и наступающий, холодный, синий. Борьба длилась недолго. Синий стал доминировать, заливая радужку. Рыдания Пита прекратились. Его лицо обрело то же пустое, сосредоточенное выражение. Он резко, без тени сомнения, провел осколком по коже виска, оставив длинную, неглубокую борозду. Из пореза не хлынула кровь, а выступила капля странной, серебристо-синей жидкости. Она сверкнула и впиталась обратно.

Круг людей издал единый, низкий гул одобрения. «Кай-рон». Пит встал. Его глаза теперь светились так же, как у них. Он присоединился к кругу. Церемония была завершена.

Лео отпрянул от окна, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать. Это было не просто заражение. Это был ритуал. Принудительная инициация. Они не просто атаковали – они вербовали. Превращали. И для этого использовали не только сигнал камня, но и психологическое давление, физическую угрозу, не оставляя выбора.

Их было слишком много. Выход через эту дверь был отрезан. Нужно было искать другой путь. Он попятился в темноту туннеля, спотыкаясь о кейсы, и вдруг его нога провалилась в пустоту. Он едва удержал равновесие. Луч фонаря выхватил старую, сломанную решетку люка в полу туннеля, ведущую куда-то вниз, в еще более древние коммуникации. Канализационный коллектор? Ливневый сток? Неважно. Это был путь.

Спуск был опасным, по ржавым скобам, в полной темноте и с тяжелым грузом. Он урезал содержимое кейсов прямо там, на ходу, оставляя только самое ценное: мини-центрифугу, микроскоп, образцы, инструменты для забора проб. Остальное, со слезами ярости, бросил. Потом сбросил кейсы вниз и сам полез следом.

Упав в ледяную, по колено, воду, он понял, что попал в главный коллектор. Воздух был спертый и отвратительный, но здесь, под землей, он был свободен. От людей. От камня. От этого синего света.

Он шел по воде больше часа, ориентируясь по слабому течению, которое, как он надеялся, вело к реке, а значит, за пределы города. Его мысли работали вхолостую, выцеживая из памяти обрывки данных. Ритуал с осколком... Серебристая жидкость... Возможно, это был нанокластер, носитель, вводимый непосредственно в кровь для ускоренной колонизации. Шишковидная железа... Она регулировала мелатонин, восприятие магнитных полей... Могла ли она быть антенной? И если да, то «Чистые» с их особой активностью эпифиза... их железа была «настроена» иначе, создавая помехи сигналу? Теории роились, как осы, не давая покоя.

Наконец, впереди показался свет. Не синий, а грязно-желтый свет уличного фонаря, падающий через решетку стока. Он был на окраине, в промышленной зоне. С трудом отодвинув тяжелую решетку (она не была приварена), Лео выкарабкался на поверхность в пустом переулке между заброшенными складами. Воздух был холодным и чистым. И тихим. Здесь не было слышно ни гула, ни криков. Только далекий, прерывистый гул вертолета и вой сирен где-то в центре.

Он был вне института. Но он был один, мокрый, вонючий, с окровавленной рукой и парой половинчатых кейсов, в городе, который становился вражеской территорией.

Нужно было двигаться. Его джип был припаркован у института – до него не добраться. Нужно было найти транспорт здесь. Он вспомнил про старый гараж на отшибе, где его знакомый механик, Джерри, хранил и ремонтировал разный хлам. Там могли быть работающие машины. А главное – Джерри был отшельником и параноиком. У него могли быть припасы. И, возможно, оружие.

Лео двинулся вдоль стен, сливаясь с тенями. Город вокруг был пугающе безлюден. Ни машин, ни пешеходов. Окна домов были темными. Лишь изредка где-то вдалеке вспыхивал пожар или раздавалась короткая автоматная очередь (армия? полиция? или уже кто-то еще?). Он видел следы хаоса: перевернутые мусорные баки, разбитые витрины, брошенные машины с открытыми дверями. И повсюду – странные граффити. Не слова, а те самые геометрические узоры, схемы, которые он видел на фото в интернете. Их рисовали краской, углем, а кое-где, содрвав содрогаясь, он понял, что использовалась кровь.

Добравшись до гаража Джерри, он увидел свет в окне. И услышал голоса. Не монотонный гул, а обычные, человеческие, полные страха и гнева. Он подкрался и заглянул в запыленное окно.

Внутри, под светом керосиновой лампы, стояли три человека. Джерри, огромный, бородачатый, смотрел в ствол старого, но ухоженного ружья. Рядом с ним – молодая женщина в практичной зимней одежде, с умным, острым лицом, сжимавшая в руках монтировку. И подросток, лет шестнадцати, худой, с лихорадочным блеском в глазах за толстыми стеклами очков, тыкавший пальцами в планшет, на котором мигали карты и строки кода.

– ... значит, он либо уже здесь, либо его нет в живых, – говорила женщина. – Мы не можем ждать дольше. Волна накрывает район завода через час. Нам нужно выбираться.

– Я говорил, звонить по рации было опасно! – шипел подросток. – Они могут пеленговать любой организованный сигнал! Нужно было стучать по трубам, как договаривались!

– И как бы мы объяснили Прометею код Морзе, а? – огрызнулась женщина. – Он ученый, а не связист.

Лео замер. Прометей. Его псевдоним в чате.

Он не стал думать о ловушке. У него не было выбора. Он громко, но не крича, постучал в дверь костяшками пальцев.

В гараже воцарилась мертвая тишина. Потом щелчок взведенного курка.

– Кто там? – прорычал голос Джерри.

– Прометей, – тихо сказал Лео в щель между дверью и косяком. – Меня прислало Эхо.

Последовала пауза. Потом скрип щеколды. Дверь приоткрылась, и дуло ружья уперлось Лео в грудь. За ним стояло лицо Джерри, искаженное недоверием и страхом.

– Докажи, – хрипло сказал механик.

Лео медленно, чтобы его не приняли за угрозу, достал из внутреннего кармана свой телефон. Экран был разбит, но он сумел запустить его. Он открыл зашифрованное сообщение от «Эхо» с координатами и паролем. Показал Джерри.

Тот посмотрел, потом кивнул женщине. Та подошла, внимательно изучила экран. Ее взгляд скользнул с телефона на лицо Лео, на его окровавленную руку, на жалкие кейсы.

– Данные по кремниевым структурам. Таблица полиморфизма гена AS3MT, – сказала она. Это был не вопрос, а проверка.

– Страница четырнадцать, график В, – автоматически ответил Лео. – Активность эпифиза коррелирует с резистентностью, но не является единственным фактором. Нужно учитывать метаболизм тяжелых металлов.

Женщина выдохнула. Не улыбнулась, но напряжение в ее плечах спало.

– Ладно. Проходи. Я – Аня. Инженер-энергетик. Это – Зоя, – она кивнула на подростка с планшетом. – И Джерри. Он наш... хранитель гаражей и арсенала.

Лео вошел внутрь. Гараж был не просто мастерской. Это был склад. Консервы, канистры с водой и бензином, газовые баллоны, инструменты, оружие (охотничье и не только), радиостанции. И в центре стоял, сверкая свежеекрашенными черными боками, огромный вездеход на гусеничном ходу. «Варг», переделанный из старого снегохода. Машина выглядела как бронированный танк.

– Мы тебя ждали, – сказала Аня, помогая ему снять кейсы. – «Эхо» дал сигнал, что ты в городе и нуждаешься в экстракции. Но связь прервалась. Мы решили ждать здесь до последнего. – Она посмотрела на его руку. – Тебя покусали?

– Нет. Стекло. Я... я видел, как они это делают, – пробормотал Лео, позволяя Джерри обработать и перевязать рану. – Они не просто заражаются. Они проводят обряды. Вербуют.

Он коротко, сухо, изложил увиденное в институте и у гаража. Зоя слушала, широко раскрыв глаза, ее пальцы замерли над клавиатурой.

– Коллективный разум с иерархией и ритуалами, – прошептала она. – Это не стая. Это... сеть. С узлами и протоколами. Они не ломают систему города. Они... перепрошивают ее.

– А бункер? – спросил Лео, обращаясь ко всем. – Идея с бункером NORAD. Она еще актуальна?

Джерри мрачно хмыкнул.

– Актуальна. Но дорога туда – ад. Основные выезды из города либо заблокированы армией, либо контролируются ими. Мы видели КПП на мосту через Чена. Там стояли такие же, как ты описал. С синими глазами. И с оружием. Не просто с палками.

– У нас есть альтернативный маршрут, – сказала Аня, разворачивая на верстаке самодельную карту. – По старым лесовозным дорогам, через перевал. Дольше, рискованнее из-за погоды, но там не будет ни людей, ни... этого. Готовность «Варга» – девяносто процентов. Не хватает аккумуляторов и есть глюк в навигации.

– Навигацию починю за двадцать минут, – отозвалась Зоя, уже тыкая в планшет. – У меня есть офлайн-карты с рельефом. Аккумуляторы... – она посмотрела на Джерри.

– В соседнем ангаре. На складе аварийных служб. Но там темно и может быть... неспокойно, – сказал механик.

– Значит, идем вместе, – твердо сказала Аня. Она посмотрела на Лео. – Ты в состоянии?

Лео почувствовал тепло от банки с горячей тушенкой, которую сунул ему Джерри. Он почувствовал тяжесть осколка в кармане. И увидел перед собой не панику, а план. Пусть хрупкий. Пусть опасный. Но план. И людей, которые не светились синим.

– Да, – он кивнул, и его голос впервые за много часов звучал твердо. – Я в состоянии. Давайте за аккумуляторами. А потом – в бункер.

Внезапно Зоя вздрогнула. Она приложила палец к наушнику, в котором был вдет лишь один маленький Bluetooth-модуль.

– Стоп. Тишина.

Все замерли.

– Что? – тихо спросил Джерри.

– Радиоэфир. Вещание. Оно... прекратилось. – Зоя подняла на них испуганные глаза. – Все частоты. Городское радио, экстренный канал штата, даже военные волны. Только белый шум. И поверх него... – она прибавила громкость, выведя звук на динамик планшета.

Из устройства полился тот самый монотонный, навязчивый гул. «Кай-рон... Кай-рон... Кай-рон...». Но теперь это был не крик толпы. Это была трансляция. Чистый, мощный сигнал, идущий в эфир.

Они переглянулись. Смысл был ясен без слов. Первая фаза, хаотичная и жестокая, подходила к концу. Теперь начиналась вторая. Фаза порядка. Инопланетного, нечеловеческого порядка.

Щиты пали. Теперь в эфире звучал только голос камня.

– Время вышло, – сказала Аня, хватая свою монтировку и рюкзак. – Пошли. Сейчас.

Собирая стаю

Склад аварийных служб оказался не заброшенным сараем, а мрачным, двухэтажным бетонным коробком, чьи ржавые ворота были завалены снаружи штабелями пустых бочек и поломанной техникой. Воздух здесь пах не просто пылью и плесенью, а чем-то резким, химическим – как будто кто-то разлил кислоту или растворитель. И была тишина. Не благословенная тишина безопасности, а тяжелая, давящая, словно само пространство здесь вымерло.

Джерри шел первым, его массивная фигура отбрасывала призрачную тень в свете мощных тактических фонарей, которые они захватили из гаража. Его ружье было наготове. Аня следовала за ним, ее монтировка казалась игрушкой в этом мраке, но в ее глазах горела холодная решимость. Лео нес один из фонарей и свой драгоценный кейс, а Зоя замыкала шествие, непрерывно скользя пальцами по экрану планшета, на котором мерцала схема склада, скачанная когда-то из городского архива.

«Слева должен быть проход в основной зал, где хранится техника», – прошептала Зоя, ее голос гулко отозвался в пустоте.

Они протиснулись между ржавыми полками, заваленными ящиками с истлевшими брезентами и коробками, из которых сыпался непонятный желтый порошок. И тут Лео почувствовал это снова. Тепло в кармане. Осколок метеорита не просто излучал фон – он реагировал. Тепло стало волнообразным, пульсирующим, будто в ответ на слабый, но родственный сигнал.

– Стоп, – тихо сказал он, хватая Аню за локоть.

Она замерла. Все замерли. И тогда они услышали. Не гул, не крики. А звук работы. Монотонное, ритмичное скребущее звучание. Металл по бетону.

Джерри жестом приказал им остаться и краем глаза заглянул в проем, ведущий в основной зал. Он застыл на несколько секунд, затем медленно, очень медленно отступил назад. Его лицо под слоем грязи и бороды было пепельно-серым.

«Там... они там», – выдохнул он, почти беззвучно.

Лео рискнул выглянуть. Зал был огромным, под высокими сводами, слабо освещенный дневным светом, падающим через разбитые стеклянные панели в потолке. И в этом полумраке двигались фигуры. Человек десять, может больше. Их было трудно разглядеть, но их движения были гипнотически однообразны. Они не ходили, а стояли группами вокруг... машин. Аварийных генераторов, сварочных аппаратов, компрессоров. И методично, с нечеловеческой тщательностью, разбирали их. Не крушили, а именно разбирали. Откручивали болты, аккуратно снимали кожухи, извлекали компоненты. Одни снимали медные обмотки с двигателей, другие вытаскивали аккумуляторные батареи – именно те, что были нужны им. Складывали все в аккуратные стопки на полу.

Это была не вандалия. Это была добыча ресурсов. Систематическая, эффективная. И абсолютно безмолвная.

Их глаза, конечно, светились. Мутным, подвальным синим светом, как у глубоководных существ. При этом свете лица казались еще более неживыми.

«Они собирают все, что может генерировать или хранить энергию, – прошептала Аня, смотря через плечо Лео. – Топливные элементы, аккумуляторы, медь... Боже. Они не просто разрушают. Они строят что-то свое».

Лео кивнул. Его мозг лихорадочно работал. Камень излучал сигнал. Для усиления, для передачи на расстояние нужна энергия и антенны. Они создавали инфраструктуру. Превращали человеческие технологии в элементы своей, чужеродной сети.

«Аккумуляторы там, у дальнего стола, – указала Зоя на планшет. – Но между нами и ними – вся эта... рабочая смена».

Джерри сжал ружье.

«Пройти незаметно не получится. Придется отвлекать».

«Нет стрельбы, – тут же парировала Аня. – Звук привлечет всех в округе. У них ведь нет страха, помнишь? Они просто придут на шум, как на новый рабочий фронт».

Лео огляделся. Его взгляд упал на ряд высоких, узких окон под самым потолком, ведущих, судя по всему, в соседний отсек. Там мог быть обходной путь.

«Наверх, – сказал он. – По этим стеллажам можно добраться до окон. Зоя, что в соседнем отсеке?»

«По плану... склад химикатов и красок. Но это рискованно. Конструкции старые».

«Рискованнее, чем пройти через два десятка этих... сборщиков?» – мрачно усмехнулся Джерри.

Решение было принято. Они начали медленно, бесшумно карабкаться по шаткому каркасу металлических стеллажей. Ржавчина сыпалась под ногами, металл скрипел и вздрагивал. Каждый звук заставлял их замирать, но «сборщики» внизу, казалось, были полностью поглощены своей работой. Они не смотрели по сторонам. Они чувствовали свою задачу и выполняли ее.

Лео, как самый легкий и азартный, полез первым к окну. Оно было грязным, но не закрытым. Он с трудом отодвинул ржавую задвижку и просунулся в узкий проем. За ним была темнота и едкий, обжигающий горло запах ацетона, щелочи и чего-то еще, сладковатого и тошнотворного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.